

Чудо по молитвѣ передъ образомъ Божіей Матери „Всѣхъ скорбящихъ Радость“, что въ Вологодскомъ Кафедральномъ соборѣ.

Неоднократно за послѣднія 11 лѣтъ своей жизни страдала я приступами страшной тяжелой формы нервного заболѣванія, именуемаго въ медицинѣ неврастеніей. Болѣзнь эта, проявлявшаяся главнымъ образомъ, въ страшной тоскѣ, граничащей съ отчаяніемъ, въ корень измѣняла весь мой душевный строй: до тѣхъ поръ беззавѣтно вѣрующая, тутъ я начинала терзаться тяжелыми сомнѣніями и совершенно утрачивала способность молиться. Благожелательность по отношенію къ людямъ смѣнялась злобой и самой черной завистью; несчастіе, постигавшее кого-либо, доставляло мнѣ какое-то мрачное удовлетвореніе,—пускай же не одна я страдаю. Чувства къ родителямъ, мужу и дѣтямъ принимали извращенный болѣзненный характеръ; то была уже не любовь, а только жалость при мысли, что и имъ, безгранично меня любящимъ, я доставляю одно только горе. Какія-либо дѣла вызывали чисто физическое отвращеніе, аппетитъ утрачивался, сонъ сводился порой къ нулю, а самое большее, что я тогда спала—это часа три въ сутки. Цѣлыми днями я лежала, стараясь добиться состоянія отупѣнія, которое хоть бы на время дало мнѣ возможность отдохнуть отъ снѣдавшихъ меня мукъ.

Такое состояніе длилось, безъ малѣйшаго просвѣта, отъ 5 до 8 мѣсяцевъ, а всего повторялось пять разъ. Проходило оно обыкновенно тогда, когда меня удаляли изъ домашней обстановки и лечили соотвѣтствующимъ порядкомъ жизни, разъ въ Петербургъ, а затѣмъ въ родномъ моемъ городѣ Вологдѣ, гдѣ я въ подобныхъ случаяхъ проживала на попеченіи моихъ родителей. Полное выздоровленіе наступало обыкновенно мѣсяца черезъ два послѣ того, какъ я принималась за выполнение предписываемаго мнѣ порядка. И вотъ, весной 1902 года, когда я привезена была своимъ отцомъ изъ Тифлиса въ Вологду на выправку, мать моя предложила мнѣ: „вотъ я начала пару чулокъ, свяжи ихъ, продай, а на вырученные деньги купи свѣчку, которую поставь въ нашемъ соборѣ передъ чудотворнымъ образомъ Божіей Матери „Всѣхъ скорбящихъ Радость“,—увидишь, что тебѣ будетъ легче!“ Долго я не сдавалась на увѣщанія матери, тѣмъ болѣе, что съ дѣтства чувствовала отвращеніе къ чулочной вязкѣ, а болѣе интереснаго рукодѣлія мнѣ и не предлагали потому, что у меня съ молодыхъ лѣтъ неизлечимая глазная болѣзнь, которая сильно притупляетъ мое зрѣніе, а въ періоды нервной подавленности—попреимуществу. Однако же мама не унималась и какъ-то разъ силой впихнула мнѣ въ руки чулокъ. Я принялась за вязку, сна-

чала вяло, неохотно, а затѣмъ все съ бѣльшимъ и бѣльшимъ интересомъ, такъ что не прошло дня, какъ меня стало тянуть къ моей работѣ. Долго-ли, коротко-ли, чулки были связаны и проданы. Какъ теперь помню, 1-го апрѣля, которое тогда совпадало съ субботою 5-й недѣли Великаго поста, когда православною Церковью установлено особое празднество въ честь Богоматери, именуемое „Похвалою Божіей Матери“, я, съ замираніемъ сердца иду въ соборъ, становлюсь передъ святыней ея и, сколько силъ моихъ хватило, молю Владычицу, чтобы Она „вернула мнѣ любовь и энергію“,—неизмѣнный мой вопль, когда я молилась во дни своей скорби, а въ заключеніе ставлю свою трудовую свѣчку. Разумѣется, я далека была отъ мысли о чудѣ, въ сердцѣ моемъ теплилась слабая надежда на то только, что мнѣ съ теченіемъ времени помогутъ. Какова же была моя радость, когда въ тотъ же день къ вечеру я стала ощущать едва уловимую перемену въ своемъ душевномъ настроеніи. Легла я спать и проснувшись, по обычаю спозаранку, прежде всего спѣшно анализирую себя, и о радости!.. Благодатная перемена, которую наканунѣ только смутно ощущала я въ своей душѣ, теперь окрѣпла уже во мнѣ настолько, что меня неудержимо потянуло къ обѣднѣ, гдѣ я, со слезами, но уже слезами радости, молилась передъ образомъ моей Небесной Цѣлительницы.

Послѣ того я была совершенно здорова 5½ лѣтъ. Часто впечатленіе этого періода являлось у меня намѣреніе огласить то явное, великое чудо, которое проявлено было на мнѣ по молитвѣ къ Божіей Матери, передъ Ея чудотворнымъ образомъ. Но меня все удерживало какое-то ложное смиреніе ¹⁾, хотя слова акаѣиста, читаемаго передъ образомъ Божіей Матери „Всѣхъ скорбящихъ Радость: „Тѣмъ же и мы не таимъ Твоихъ благодѣяній, но благодарственнѣ прославляющи Бога, вопіемъ Ему: „аллилуія“, убѣждали меня въ противномъ. Такъ вотъ не знаю, за то-ли, что я „утаила“ оказанное мнѣ благодѣяніе, или за другое что, но Господь попустилъ, чтобы въ сентябрѣ минувшаго 1907 года снова, какъ всегда, безъ всякой видимой причины, постигъ меня прежній тяжкій недугъ. Отчаяніе мое не имѣло границъ. Неоднократно при приступахъ невыносимой тоски раждалась у меня мысль наложить на себя руки. Къ обычному средству,—удаленію изъ домашней обстановки, на этотъ разъ прибѣгнуть было невозможно: отецъ мой, прежде неоднократно прилетавшій въ Тифлисъ, гдѣ я со своей семьей имѣли мѣсто своего постоянного жительства, съ тѣмъ чтобы увезти меня куда-либо на поправку, по экстраординарнымъ служебнымъ, обязанностямъ въ Петербур-

¹⁾ Какъ бы не подумати, что я кичусь тѣмъ, что сдѣлалась орудіемъ великаго чуда.

гѣ, не могъ прїѣхать за мной, а престарѣлая мать, тоже прежде съ успѣхомъ выполнявшая ту же миссію, тутъ съ горя такъ ослабѣла, что нечего было и думать ей двинуться въ путь за 3¹/₂ т. версть. И вотъ, томилась я въ тяжкихъ душевныхъ мукахъ, которыя покидали меня только во снѣ (а сна по обычаю было 3—5 час. въ сутки), на этотъ разъ весь учебный 1907—1908 годъ. Когда служебныя дѣла позволили мужу уѣхать изъ Тифлиса, онъ повезъ меня въ родную Вологду. Тамъ я сначала уклонялась отъ хожденія въ церковь, но потомъ стала туда похаживать, хотя теплоты въ молитвѣ моей не было ни малѣйшей. При этомъ ходила я неизмѣнно въ кафедральный соборъ и каждый разъ зывала къ моей прежней благодатной Цѣлительницѣ, прося Ее сжалиться надъ моей несчастной семьей, хотя бы и не такъ явно, какъ это было 6 лѣтъ тому назадъ. И не напрасно оказалась молитва моя. Мнѣ, скорбящей, и на этотъ разъ послана была радость, послана не скоро, не замѣтно, такъ что во всей полнотѣ ощутила я въ себѣ эту радость только ко дню храмового праздника въ холодномъ соборѣ Успенія Божіей Матери. За всенощной на этотъ великій праздникъ досточтимымъ Архипастыремъ Вологодскимъ, Преосвященнымъ Нікономъ, произнесено было трогательное слово, и какой откликъ нашли тогда въ моемъ сердцѣ заключительныя слова этого поученія: „помогай намъ, въ молитвахъ Неусыпающая“!

Съ того достопамятнаго дня я ощущаю въ себѣ такой миръ, такую благодать, которые не промѣняю ни на какія сокровища въ свѣтѣ! Благодарю же Тебя, великая милосердая Заступница рода хрістіанскаго, и на этотъ разъ не таю Твоихъ ко мнѣ благодарѣній, а изъ глубины сердца зываю, прославляя Тебя, „аллилуія, аллилуія, аллилуія“!

Тифлисъ 1-го октября 1908 года.

Н. Суровцева.